

УДК 130.2:316.74

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОЛЛЕКТИВНОЙ ПАМЯТИ В ОБЩЕСТВАХ МОДЕРНА

Кузьмин Н.Н.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского, г. Симферополь, Российская Федерация

E-mail: kuzsim@rambler.ru

Коллективная память имеет свою специфику в разные культурные эпохи. В модерне она приобретает особые черты. Изучение коллективной памяти модерна лучше всего осуществлять путем её сравнения в качестве идеального типа с феноменами коллективной памяти в другие культурно-исторические эпохи.

В современном обществе память играет важную историческую и, в целом, социокультурную роль. Для современных обществ характерна как концептуализация исторического знания, так и активное его использование в политических целях. Модерн – это эпоха создания «больших» нарративов и коллективная память здесь выступает как один из вариантов такой практики. В модерне коллективная память не переплетена с сакральным, а выступает эрзацем сакрального в секуляризованном обществе.

В процессах конструирования наций прогрессизм и историзм были спаяны сциентизмом, обоснование создаваемых социально-политических национальных конструктов требовало при этом ссылок на научное знание. История в коллективной памяти современных обществ выступила в роли инструмента своеобразного «трансцендирования» государства в процессе строительства его национального варианта, тогда как с обычными государственными функциями справлялись наднациональные империи и династические государства.

Современным обществам свойственен внутренний плюрализм, научный характер исторического знания подразумевала возможность дискуссии и объективных критериев определения истинности или ложности. Коллективная память модерна не исключает критической направленности. Интерпретация значения и причин исторических событий может «предъявлять счет» предкам, искать в их действиях ошибки. Актуальная дискуссия о путях развития общества в качестве исходной предпосылки может содержать анализ «неправильного» выбора в прошлом.

Историческое сознание модерна строилось по оси «прошлое – настоящее – будущее». Модерн был устремлен в будущее, но такая устремленность и сама ось требовали своеобразной исходной точки. Поэтому общество модерна опирается на память, отталкивается от нее, в отличие от традиционного общества, которое в коллективную память погружено.

Ключевые слова: коллективная память, историческая память, модерн, конструирование нации, идеология, нарратив.

Универсальный для человеческой истории феномен коллективной памяти ярко проявляет себя в современных обществах и на определенном этапе становится объектом научных исследований. Обладая спецификой на разных этапах социокультурного развития, коллективная память приобретает особые черты в модерне, а, получив статус предмета научных изысканий, именно современная коллективная память становится своеобразным идеальным типом в ряду схожих феноменов. В условиях применения сравнительно-исторического метода раскрыть сущности коллективной памяти модерна лучше всего не через ее исследование самой по себе, а путем сравнения коллективной памяти модерна как

«идеального типа» (в веберовском смысле) с другими культурно-историческими типами коллективной памяти. **Цель** нашей статьи: раскрыть особенности коллективной памяти модерна путем сравнительно-исторического анализа социокультурных трансформаций по оси традиционное общество – модерн.

Хотя для современной социокультурной ситуации современная коллективная память во многом уже осталась в прошлом, в мире продолжают играть значительную роль общества, осуществляющие процесс модернизации в исходном смысле этого слова - как трансформация традиционной социальности в современную. Продолжается и характерный для модерна процесс конструирования наций и строительства национальных государств, который мы можем наблюдать на постсоветском пространстве. Реализуется он зачастую постмодернистскими методами, но по лекалам современных практик, да и современные постмодернистские технологии конструирования коллективной памяти выросли из этих современных практик. Все это обуславливает **актуальность** исследования особенностей коллективной памяти в современных обществах.

Проблематика памяти о прошлом и ее роли в социальных, политических, культурных процессах, фиксируемая в понятиях «коллективная память», «историческая память», «политика памяти» представлена широким кругом исследований. Ими являются:

анализ использования памяти в актуальной политической борьбе [1, с.46–53] и конституировании актуальных социумов и групп [2, с. 152–156];

исследование формирования и функционирования мемориальных пространств и памятных мест [3, с. 132–136], а также общих закономерностей формирования исторических нарративов [4, с. 152–156],

изучение методов и технологий реализации культурной политики, патриотического воспитания [5, с. 125–132]. Сравнительно-историческое исследование трансформаций и культурной изменчивости феноменов коллективной памяти в научной литературе пока не нашло надлежащего отражения.

Ранее нами были раскрыты особенности коллективной памяти в традиционных обществах, показано, что в них общественное сознание было «погружено» в память, в которой исторический опыт существенно преобразался и дополнялся воображаемым, а легитимность исторической интерпретации обеспечивалась верой [6, с. 119–120]. В современных обществах память продолжает играть важную роль. В некоторых аспектах ее значение даже увеличивается, поскольку модерну свойственно рациональное конструирование метанарративов (либерализм, национализм, марксизм), которые, с одной стороны, значительно изменяли социальную реальность, а с другой – основывались на конструктах коллективной памяти. Однако коллективная память в эпоху модерна приобретает иные характеристики, поскольку происходит полная инверсия ценностных приоритетов: замена традиции прогрессом.

Временные границы эпохи модерна продолжают оставаться дискуссионными. Существует ряд точек зрения, сравнительное исследование которых представлено в научной литературе [7, с.11–13], но их анализ не входит в задачи нашего исследования. Под эпохой модерна мы будем понимать исторический период, который начинается в Западной Европе в XVI в. и заканчивается после Великой Французской революции. Причем, начало его представляет собой длительный переходный период, когда новое современное сочеталось с традиционным. В других регионах мира модерн реализовывал себя в результате культурной диффузии на протяжении XVIII – XX вв. Четкую культурную границу между культурными эпохами провести трудно.

Верхняя культурная граница модерна – предмет дискуссии еще и по той причине, что нет согласия по вопросу об окончании эпохи модерна. Одни исследователи используют термины «второй модерн» или «поздний модерн» (тем самым все же признавая социокультурную специфику современности), другие пишут о начале новой культурной эпохи – постмодерне. В любом случае, есть культурная специфика по отношению к прежним векам модерна и начало ее появления и развития относят к 60-70 гг. XX в. Это не исключает сохранение современных практик и в виде институциональной инерции, и в виде их применения для решения стоящих перед обществом задач.

Для современных обществ характерна как концептуализация исторического знания, так и активное его использование в политических целях. Ведущие творцы национального исторического нарратива Франции Адольф Тьер и Франсуа Гизо в своей политической деятельности в первой половине XIX в. достигли высших постов - министров и главы правительства. То есть статус историка становится чрезвычайно высоким, особенно в политической деятельности, поскольку историки создавали единство общества, в котором постепенно утрачивали свое значение религия, сословная дополнительность, династическая легитимность и которое требовалось связать мифом общей судьбы. Именно в модерне история страны утвердилась как жанр историографии. Профессиональные историки стали работать не на сегменты общества (династии, институты), а на общество в целом. Да и общество как концепт, обозначающий единство страны, всех граждан государства – дитя современной науки. В. В. Титов в этой связи указывает, что «политика идентичности, какой бы она ни была по своему содержанию и направленности, всегда в той или иной мере опирается на коллективный образ прошлого, систему исторических представлений, сложившихся в обществе. Причем, государство как использует данные представления для формирования целостной «матрицы» идентичности, поддержания связи поколений, так и преобразует, интерпретирует их» [8, с. 41].

Выход на первый план исторического обоснования политического единства современного государства, конструирование наций при помощи исторических нарративов в культурную эпоху, поставившей на вершину иерархии ценностей устремленность в будущее и новационную деятельность, на первый взгляд парадоксален. В культуре, где новое изначально ценнее старого, а вера в прогресс получила почти сакральный статус, история в качестве исследования и повествования, вдруг стала фундаментом обоснования главного политического института – государства. Почему так произошло? Разве недостаточно для конституирования национального государства наличия языкового и культурного единства?

Упор на историческое обоснование был свойственен не только идеологии национального строительства. Марксизм, главный соперник национализма в борьбе за поддержку масс, в качестве обоснования образа предлагаемого будущего выдвинул картину исторического процесса, в которой нарратив извечной борьбы эксплуататоров и эксплуатируемых стал обоснованием актуальных политических практик и их цели. В основе марксизма лежали и экономические, и философско-антропологические изыскания, но их оказалось недостаточно. Марксизм стал источником не только политических движений, но и способа осмысливать историю. Этот способ не только дал много для историографии, но и стал основой конституирования картины исторического процесса, подгонки фактов под идеологическую ангажированность. Мог ли марксизм состояться как успешная идеология без конструирования картины исторического процесса? Вопрос риторический – исторический век предписывает свои законы.

Продолжая эту традицию, современный неомарксизм в лице, например, И. Валлерстайна, отказавшись от формационной теории, пытается создать новую картину исторического процесса, обосновывая предстоящий крах капитализма уже не реализацией смысла истории в виде победы пролетариата в извечной классовой борьбе, а исторической неизбежностью истощения источников капиталистического мира-экономики [9, с. 59–101].

В случае национокструирования парадокс симбиоза прогрессизма и историзма объясняется тем обстоятельством, что XIX в. - это не только период торжества национального государства, это и век доминирования научного мировоззрения. Прогрессизм и историзм были спаяны сциентизмом, поскольку обоснование создаваемых социально-политических национальных конструктов требовало согласно «духу времени» ссылок на научное знание. Национализм не мог, как марксизм, найти себе фундамент в экономических статистических выкладках и обратился к исторической науке. Благодаря трудам историков национальное строительство обрело научное обоснование, а национализм как идеология получил требуемое подкрепление в виде ссылок на институализированное научное знание. В свою очередь, идеологические устремления стимулировали развитие исторической науки в соответствии с установками данной идеологии и интересами, которые она выражала.

Можно предположить, что большое значение, придаваемое историческому знанию при конструировании коллективной памяти в модерных обществах, представляет собой своеобразную компенсацию за устремленность этих обществ в будущее. Коллективная память в этом случае призвана связать общим смыслом прошлое, как обоснование естественности складывающейся идентичности, настоящее как место ее конструирования и будущее как предполагаемое качественное состояние общества. Отсюда и широкое распространение афористических утверждений, подчеркивающих единство прошлого и будущего, их причинно-следственную связь. Л. П. Репина в своей работе «Опыт социальных кризисов в исторической памяти» приводит слова из обращения научно-педагогического Общества преподавателей истории, опубликованного в Петрограде летом 1918 г.: «Прошлое дает форму настоящему и жизнь будущему. Насыщенность исторической памяти и сознание ценности своей истории, вместе с волей совместно растить и множить эту ценность, делают народность нацией. Школа закрепляет эту память и формирует эту волю. Она хранит живую преемственность поколений и строит мост от лучших традиций прошлого к будущему» [10, с. 18]. Муравьева Л. Е., анализируя закономерности формирования нарративов коллективной памяти, показала структурную и целевую взаимосвязь прошлого и будущего в коллективной памяти: «Рассказы о прошлом несут наиболее оперативную информацию о сценариях развития событий и помогают спрогнозировать будущее под влиянием моделей историй, хранящихся в коллективной памяти. Нарратив как источник знания оказывается мощнейшим инструментом конструирования версий будущего, а одна из его функций сводится к риторике предсказания, предостережения или прогноза» [4, с. 59].

Теперь перейдем к описанию особенностей формирования и функционирования коллективной памяти модерна. Для лучшего понимания эпистемологических основ формирования коллективной памяти в модерне обратимся к сравнению ее с традиционной эпохой. Коллективная память традиционного общества весьма произвольна - герметична и поэтому не-фальсифицируема альтернативными версиями прошлого. В эпоху до модерна в области истории практически отсутствовали критерии точного знания, а, значит, конструирование коллективной памяти не сдерживалось объективной исторической истиной, демаркации между точным знанием о прошлом и мифом не было. Все, что

мешало позитивной идентичности, легко предавалось забвению, поскольку производство и воспроизводство памяти было делом ограниченной группы специалистов, а в случае народного эпоса оно регулировалось стихией массового сознания.

В эпоху модерна ситуация с формированием коллективной памяти, которая бы поддерживала позитивную идентичность, усложняется. Это связано с тем, что появляются трансграничные коммуникации между альтернативными версиями прошлого и одновременно возрастает ценность объективной истины. Поэтому становится меньше возможностей произвольно конструировать представления о прошлом. Модерным обществам свойственен и внутренний плюрализм, сциентизация исторического знания подразумевала, в том числе, и возможность дискуссии с объективными критериями определения истинности или ложности позиции участника дискуссии. То есть креативность конструкторов памяти получила серьезные ограничения.

Однако это не снимало задачи конструирования памяти, работающей на позитивную идентичность, и обоснования тех или иных политических претензий. Поэтому огромное значение приобретают стратегии интерпретации, которые позволяют выполнять данные задачи, несмотря на факты, которые дает историческая наука. Модерн создал возможности для этого в своих практиках больших нарративов.

Модерн – это эпоха создания больших нарративов, когда коллективная память выступала как один из вариантов таких практик. В рамках нарративных практик отдельные, пусть и «неприятные» для идентичности факты, получали новое значение, будучи вписанными в масштабную картину исторического процесса, смысл которого определялся насущными задачами строительства наций и актуальными политическими интересами.

В модерне коллективная память уже не переплетена с сакральным, а выступает эрзацем сакрального в секуляризованном обществе. Наиболее ярко это проявляется в идеологии национализма, о которой У. Альтермат справедливо сказал следующее: «В XIX и XX веках национализм занял место религии. Национальное чувство в качестве функционального элемента взяло на себя интегративную функцию религии. Национализм идет навстречу религиозному состоянию человека и заменяет собой религию в качестве силы современного общества, формирующей общности. Более подробный анализ национализма показывает на самом деле, что он содержит псевдорелигиозные элементы. Это выражается, например, в том, что он действует с помощью тех же средств, что и церковь, и имеет сакрально-литургические формы. Люди приветствуют национальный флаг как самое святое, они поют гимны стран» [11, с.140–141].

Препарирование истории в коллективной памяти в современных обществах стало инструментом трансформации государства, которую мы бы назвали своеобразным «трансцендированием». Поясним эту мысль. Обоснование власти государственных институтов вне необходимости ведения войн или обеспечения создания и функционирования ирригационных систем, всегда представляло проблему. Если в предшествующий период времени право государства и его лидеров обосновывалось через те или иные отсылки к сакральной природе их власти, то секуляризирующиеся общества модерна уже не воспринимали таких аргументов. Но потребность превращения государства из посястороннего института, инструмента, задача которого – политическая организация общества, защита его членов от внутренних и внешних угроз, в нечто независимое от граждан (или подданных), имеющее свою природу вне сегодняшнего дня, осталась.

Строительство национального современного государства нуждалось в таком превращении, в трансформации его в некую метафизическую сущность, поскольку с обычными государственными функциями справлялись наднациональные империи и династические государства. Историческое знание в виде сконструированной коллективной памяти и выступило инструментом такого процесса. В традиционных обществах он чаще всего осуществлялся за счет утверждения о божественном происхождении правителя или идеи о его сопричастности сакральному в виде помазания, заключения священного брака и т.п. В модерне такая стратегия уже не работала. Поэтому государство стали представлять как защитника памяти предков, продолжателя их славных дел. Отсюда совершенно нерациональные, на первый взгляд, попытки как-то «удревнить» новые государства, которые создавались в целях строительства будущего. Об этих современных практиках, но уже с постмодернистской откровенностью говорилось на заседании одного киевского «круглого стола» под названием «Каким должен быть современный учебник истории Украины?». На нем профессор Ю. И. Шаповал прямо заявил: «Чтобы легитимизировать понятие независимой Украины, Украинского государства в публикациях историков, особенно учебника по истории, изображались определенные эпохи, события, люди, приводились доказательства существования собственной истории» [12].

Одно из первых использований националистического дискурса в Европе в период, когда секуляризация еще не стала актуальным социокультурным процессом – это утверждение о том, что Бог был англичанином. В 1559 г. будущий епископ Лондона Джин Эймер провозгласил, что Бог – англичанин и призвал своих соотечественников семь раз в день благодарить Его, что они родились англичанами [13, с. 297]. Однако в XIX в. такой вариант уже не проходил, поэтому в качестве инструментов трансформации природы государства использовалась коллективная память, которую пришлось усилить новой исторической наукой. Последняя, перейдя от жанров жизнеописаний и хроник политических событий к исследованию истории народов, стала (в том числе и помимо своей воли) способом формирования нового качества коллективной памяти, на основе которой и осуществлялось конструирование такого своеобразного «трансцендентного» национального государства.

Стратегия переконструирования истории реализовывалась и в рамках формирования либеральной идеологии и политико-правовой доктрины. Здесь способом трансформации сущности государства стал миф о договорном происхождении государства – полагаю, что это миф в полном смысле этого слова, поскольку ничего подобного в реальной истории никогда не было. XVII век, время рождения этого политико-философского мифа, стало временем перехода от традиционного общества к обществу модерна. В это время еще работает логика предшествующей культуры в виде мифологического конструирования, но мы видим уже и новую современную тенденцию – использование коллективной памяти для создания идеологий.

Коллективная память модерна не исключает и критической направленности. Интерпретация значения и причин исторических событий может «предъявлять счет» предкам, искать в их действиях ошибки, даже «предательство интересов». Актуальная дискуссия о путях развития общества в качестве исходной предпосылки может иметь анализ «неправильного» выбора в прошлом. Пример тому – Петр Чаадаев и его «Философские письма». Поиск ошибок в прошлом делается и с целью оправдания существующего положения вещей, и для морального назидания. Типичный пример такого конструирования – интерпретация причин завоевания русских княжеств монголо-татарами: если бы русские князья объединились, то смогли бы отстоять независимость Руси. А так

называемое монголо-татарское иго стало объяснением отставания России в историческом развитии от Европы. Такие интерпретации играли роль создания нормативных моделей (ценность единства государства), обоснования необходимости изменений и решения вопроса о том, какое наследие прошлого необходимо преодолеть в настоящем и ближайшем будущем. О таком творческом характере коллективной памяти писал Э. Трёльч, утверждая, что историческое время посредством «памяти, влечения и преследования определенной цели властвует над прошлым и будущим, и в творческие моменты становится продуктивным» [14, с.509].

В этом смысле современная коллективная память вполне демократична – на отдельные недостатки и ошибки можно указывать даже в отношении «священных коров» прошлого, точно также как критическому обсуждению, анализу плюсов и минусов подлежит любая политическая, социальная, экономическая деятельность настоящего. Коллективная память традиционного общества, наоборот, строится по принципу дихотомии: в ней присутствуют либо позитивные, либо негативные персонажи. Очевидно, что их положительность или отрицательность определяется позицией (династической, религиозной) интерпретатора.

Развитие в модерне - это не непрерывный трафик, оно проходит через череду кризисных периодов, в том числе и социокультурных, сопровождающихся кризисами идентичности в обществе. Такого рода кризисы, как правило, сопровождаются активизацией памяти о прошлом, на что указывал Пьер Нора [15], впрочем, кризис сам по себе мотивирует обращение к традиционному и устоявшемуся. Как указывал П. Штомпка, «период стагнации или кризиса – экономического, политического, культурного – немедленно оживляет традиции. В трудные времена люди обращаются к опыту предков, ищут убежища от повседневных тревог и забот в прошлом» [16, с. 99]. Современное общество, попав в кризисное состояние, начинает обращаться к прошлому в поисках уроков, истоков кризиса, исходных точек для выбора нового пути.

Если обратиться к классификации исторического сознания немецкого историка Йорна Рюзена (традиционный, назидательный, критический, генетический типы) [17, с. 39–60], то мы увидим, что в современном описании истории и основанной на нем коллективной памяти можно обнаружить все типы нарративов, проанализированных Рюзеном. Традиционный тип утверждает незыблемость исторической преемственности, назидательный обращает к необходимости извлечения уроков из прошлого, критический – задает возможность переоценки - как прошлого, так и способов его истолкования, а генетический понимает историю как изменение, как процесс, сочетающий преемственность и изменчивость. В зависимости от ситуации коллективная память модерна поворачивается той или иной стороной, но генетический тип в ней превалирует.

Выводы. Историческое сознание модерна строилось по оси «прошлое – настоящее – будущее». Модерн был устремлен в будущее, но такая устремленность и сама эта ось требовали своеобразной исходной точки. Поэтому общество модерна опирается на память, отталкивается от нее, в отличие от традиционного общества, которое в коллективную память как бы погружается. Современные общества конструировали коллективную память для использования ее в качестве исходного тезиса обоснования своего существования. Такое обоснование мы видим и в том, что коллективная память служила в качестве предпосылки построения социальных и политических нарративов. Миф о договорном происхождении государства стал исходной точкой для либерализма. Национализм в прошлом видел истоки единства нации, прав этой нации на политическую субъектность и обоснование неизбежности продолжения ее существования в будущем. Марксизм представлял свой

проект социально-политического устройства как завершение исторического процесса борьбы эксплуатируемых с эксплуататорами. Такое понимание роли коллективной памяти в обществах модерна снимает противоречие между значением коллективной памяти в настоящем общества модерна и устремленностью этого общества в будущее.

Список литературы

1. Кирчанов М. В. Историческая наука в политических дебатах и национальном строительстве (постсоветский опыт) / М. В. Кирчанов // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 5 (21). – С. 46–53.
2. Жуков Д. С. Формирование исторической памяти и образа желаемого будущего как инструменты социального развития / Д. С. Жуков, С. К. Лямин // Социально-экономические явления и процессы. – 2013. – №11 (057). – С. 152-156.
3. Грива О. А. Памятники культурного наследия как носители смыслов истории / О. А. Грива // Природа и человек в пространстве культуры: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвящённой Году экологии в РФ (кафедра этики, культурологии и связей с общественностью факультета философии и социологии БашГУ (г. Уфа, 27 апреля 2017 г.). Часть 1 / Отв. ред. З. Я. Рахматуллина. – Уфа: РИЦ БашГУ, 2017. – С. 132–136.
4. Муравьева Л. Е. Нарративная репрезентация риска и коллективная память: к постановке проблемы / Л. Е. Муравьева // Новый филологический вестник. – 2018. – №1 (44). – С. 57-68.
5. Антипов Г. А. Как и зачем нужно изучать историю в школе и университете? / Г. А. Антипов // Высшее образование в России. – 2013. – №8–9. – С. 125–132.
6. Кузьмин Н. Н. Особенности коллективной памяти в традиционных обществах / Н. Н. Кузьмин // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Серия: Философия. Политология. Культурология. – 2017. – Том 3(69). – №2. – С. 114-124.
7. Зуляр Ю. А. Модерн как парадигма и развитие ее в реальность / Ю. А. Зуляр // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». – 2015. – Т.13. – С. 9-27.
8. Титов В. В. Политика памяти и формирование национально-государственной идентичности: российский опыт и новые тенденции / В. В. Титов. – Москва: Типография «Ваш формат», 2017. – 184 с.
9. Валлерстайн И. Миросистемный анализ. Введение / И. Валлерстайн. – Изд. 2-е, испр. – Москва: URSS: Ленанд, 2017 – 299 с.
10. Репина Л. П. Опыт социальных кризисов в исторической памяти / Л. П. Репина // Кризисы переломных эпох в исторической памяти / Под ред. Л. П. Репиной. – Москва: ИВИ РАН, 2012. – С.3–37.
11. Альтерматт У. Этнонационализм в Европе / У. Альтерматт. – М.: РГГУ, 2000. – 367 с.
12. Яким має бути сучасний підручник з історії України? URL: (Дата обращения: 01.10.2018).
13. Лурье С. В. Историческая этнология: учебное пособие для вузов / С. В. Лурье. – Москва: Аспект Пресс, 1997. – 448 с.
14. Трельч Э. Историзм и его проблемы. Логическая проблема философии истории / Э. Трельч. – М: Юрист, 1994. – 719 с.

15. Нора П. Всемирное торжество памяти / П. Нора // Неприкосновенный запас. – 2005. – №2-3 (40-41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (Дата обращения: 01.10.2018).
16. Штомпка П. Социология социальных изменений / П. Штомпка. – Москва: Аспект Пресс, 1996. – 416 с.
17. Рюзен Й. Кризис, травма, идентичность / Й. Рюзен // «Цепь времён». Проблемы исторического сознания. Сб. статей / Отв. ред. Л. П. Репина. – Москва: ИВИ РАН, 2005. – 256 с.

Kuzmin N. N. Features of the Use of Collective Memory in Modern Societies // Scientific Notes of Crimean Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political Science. Culturology. – 2019. – Vol.5 (71) – №4. – P. 179–188.

Annotation. Collective memory has its own specifics in different cultural epochs, It acquires a special features in modernity. The disclosure of the sense of collective memory of modernity is best done by comparing the collective memory of modernity as an ideal type with the phenomena of collective memory in other cultural and historical epochs. In modern societies, memory plays an important role, as in the previous period of history. In some aspects, its value even increases. Modern societies are characterized both by the conceptualization of historical knowledge and its active use for political goals. Modern is the era of the creation of large narratives, and collective memory acted as one of the versions of such practices. In modernity collective memory is no longer intertwined with the sacred, but it acts as an ersatz of sacral in a secularized society.

In the processes nations constructing, progressivism and historicism were welded together by scientism, the justification of the created sociopolitical national constructs demanded according to the "spirit of the time" references to scientific knowledge. History in collective memory of modern societies has acted as a tool for transcending of the state. The construction of a national modern state required transcendence, since supranational empires and dynastic states were able to cope with ordinary state functions. Historical knowledge as a form of constructed collective memory has become an instrument of such transcendence.

Modern societies are characterized by domestic pluralism, the scientific nature of historical knowledge implied the possibility of discussion with objective criteria for determining truth or false. The collective memory of modernity does not exclude a critical focus. Interpretation of the meaning and causes of historical events can "present an account" to ancestors, look for fails in their actions. The current discussion about the ways of social development may have an analysis of the "wrong" choice in the past.

The historical consciousness of modernity was built on the basis of the axis "past - present - future". Modernity was directed to the future, but such an aspiration, the whole axis, required a some "starting point". Therefore, modern society is based on memory, repelled by it, unlike traditional society, which is "immersed" in collective memory.

Key words: collective memory, historical memory, modern, nation-building, ideology, narrative.

References

1. Kirchanov M. V. Istoricheskaya nauka v politicheskikh debatakh i natsional'nom stroitel'stve (postsovetskiy opyt) [Historical Science in Political Debate and National Construction (Post-Soviet Experience)]. Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl' [Historical and Socio-educational Thought]. 2013, № 5 (21), P. 46–53.
2. Zhukov D. S. Formirovaniye istoricheskoy pamyati i obraza zhelayemogo budushchego kak instrumenty sotsial'nogo razvitiya [Formation of Historical Memory and Image of the Desired Future as Tools of Social Development]. Sotsial'no-ekonomicheskiye yavleniya i protsessy [Socio-economic Phenomena and Processes]. 2013, №11 (057), P.152-156.
3. Griva O. A. Pamyatniki kul'turnogo naslediya kak nositeli smyslov istorii [Monuments of Cultural Heritage as a Medium of Historical Meanings]. Ufa, RITS BashGU, 2017, P. 132–136.
4. Murav'yeva L. Ye. Narrativnaya reprezentatsiya riska i kollektivnaya pamyat': k postanovke problem [The Narrative Risk Representation and Collective Memory: to the Formulation of the Problem]. Novyy filologicheskiy vestnik [New Philosophical Bulletin]. 2018, №1 (44), p. 57-68.
5. Antipov G. A. Kak i zachem nuzhno izuchat' istoriyu v shkole i universitete? [How and why is it Necessary to Study History at School and the University?]. Vyssheye obrazovaniye v Rossii [High Education in Russia]. 2013, №8-9, p.125–132.

6. Kuzmin N. N. Osobennosti kollektivnoy pamyati v traditsionnykh obshchestvakh [The Features of Collective Memory in Traditional Societies] Uchenyye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Seriya: Filosofiya. Politologiya. Kul'turologiya [Scientific Notes of Crimean Federal V.I. Vernadsky University. Philosophy. Political Science. Culturology]. 2017, Vol. 3(69), №2, P.114-124.
7. Zulyar Y. A. Modern kak paradigma i razvitiye yeye v real'nosti [Modern as a paradigm and its development into reality]. Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Politologiya. Religiovedeniye» [News of Irkutsk State University. Political Science. Religious Studies]. 2015, Vol. 13, p. 9-27
8. Titov V. V. Politika pamyati i formirovaniye natsional'no-gosudarstvennoy identichnosti: rossiyskiy opyt i novyye tendentsii [Memory Policy and the Formation of National-state Identity: Russian Experience and the New Trends]. Moscow, Printing House «Vash format», 2017, 184 p.
9. Vallersteyn I. Mirosystemnyy analiz. Vvedeniye [World-Systems Analysis: An Introduction]. Moscow, URSS: Lenand, 2017, 299 p.
10. Repina L. P. Opyt sotsial'nykh krizisov v istoricheskoy pamyati [The Experience of Social Crises in Historical Memory]. Krizisy perelomnykh epokh v istoricheskoy pamyati [The Crises of Critical Eras in Historical Memory]. Ed. By L. P. Repina. Moscow, IVI RAN, 2012, pp. 3–37.
11. Al'termatt U. Etnonatsionalizm v Yevrope [An Ethnonationalism in Europe]. Moscow, RSGU 2000, 367 p.
12. Yakym mae buty suchasnyy pidruchnyk z istoriyi Ukrayiny? [What should a Modern Textbook on the History of Ukraine be?] URL: <http://www.istpravda.com.ua/digest/2011/07/13/45566/> (Accessed: 01.10.2018).
13. Lur'ye S. V. Istoricheskaya etnologiya: uchebnoye posobiye dlya vuzov [Historical Ethnology: a Textbook for Universities]. Moscow, Aspekt Press, 1997, 448 p.
14. Tryol'ch E. Istorizm i ego problemy. Logicheskaya problema filosofii istorii. Moscow, YUrist, 1994, 719 p.
15. Nora P. Vsemirnoye torzhestvo pamyati [A world triumph of memory] Neprikosnovenny zapas [Emergency Ration]. 2005, № 2-3, (40-41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/nora22.html> (Data obrashcheniya: 01.10.2018).
16. Shtompka P. Sotsiologiya sotsial'nykh izmeneniy [Sociology of Social Changes]. Moscow, Aspekt Press, 1996, 416 p.
17. Ryuzen Y. Krizis, travma, identichnost' [Crisis, Injury, Identity]. Moscow, IVI RAN, 2005. – 256 p.